

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.354

«ЖЕСТКИЕ» ОРГАНИЗАЦИИ РОССИИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЭКСПЕРТНОЙ РИТОРИКИ

© 2008 г. Сергеев С.А., Рыболовлева Ю.В.

ГОУ ВПО «Казанский государственный технологический университет»

rybolovleva@mail.ru

Поступила в редакцию

В статье анализируется экспертная риторика, посвященная современным российским «жестким» организациям – министерствам и ведомствам «силового» направления и выявляются основные проблемы, которые характерны для отечественных силовых структур.

Ключевые слова: социология организаций, управление социальными организациями, «жесткие» организации, «силовики», проблемы социальных организаций

Термин «жесткая организация» не является общеупотребительным в социальных науках, и под ним мы понимаем определенный тип организации, являющийся промежуточным между обычной бюрократической организацией (М. Вебер, Р. Мертон, А. Гоулднер) и «тотальной организацией» (И. Гоффман, А. Этциони, Л. Пэнто). К подобным организациям относятся, прежде всего, различные «силовые структуры», иначе говоря, министерства и ведомства военно-полицейского направления (МВД, ФСБ, ФКСН, таможенные органы и т.д.). Данный тип организации является одним из самых слабоизученных в современной социологии организации, и в данной статье авторы ставят цель выявить особенности российских «жестких» организаций через анализ экспертной риторики.

Исследование экспертной риторики осуществлялось методом тематического контент-анализа – упрощенной версии дискурс-анализа, который оперирует смысловыми блоками текстовой информации, представляющей собой экспертные суждения по проблематике социального управления в «жестких» организациях. При выборе экспертов для исследования мы старались охватить самые различные экспертные круги. Для анализа была использована риторика «научных экспертов» – ученых, занимающихся проблематикой силовых структур России, «экспертов-силовиков» – лиц, связанных так или иначе с силовыми ведомствами, «оппозиционных экспертов», – лиц, находящихся в оппозиции к действующему политическому режиму. Это позволило провести разносторонний анализ современной российской «жесткой» организации и избежать однобокости в репрезентации экспертной риторики по данной проблематике.

Наиболее яркой характеристикой российских «жестких» организаций является включенность в т.н. «силовое предпринимательство». Как отмечает исследователь феномена «силового предпринимательства» В.В. Волков, экономический кризис 1990-х и условия финансирования российских «жестких» организаций обусловили их адаптацию к новым условиям. В.В. Волков выделяет несколько этапов превращения «жестких» организаций в субъектов «силового предпринимательства»:

– создание института т.н. «прикомандированных сотрудников», т.е. действующих сотрудников ФСБ, работающих в частных организациях на должностях «юридических консультантов» и выполняющих функции «крыши» для решения проблем с криминальными группировками;

– легализация частной охранной деятельности на базе органов внутренних дел, что позволяло местным управлениям внутренних дел учреждать специальные охранные подразделения и группы быстрого реагирования, работающие на коммерческой основе, в частности, различные частные охранные предприятия (ЧОПы) [1].

Директор Института проблем глобализации М. Делягин, описывая ситуацию «крышевания» сотрудниками «жестких» организаций российских предпринимателей, использует термин «чекизм» или «силовая олигархия». Коррупционность системы управления в «жестких» организациях М. Делягин связывает с тем, что в 1990-е гг. российская олигархия поняла, что ограничиваться лишь приемом на работу бывших сотрудников спецслужб означает сужение своих возможностей «решения вопросов» с государством. Как следствие этого возникла прослойка «чекистов», которые, находясь на государственной службе, лоббировали интересы крупных олигархов и «крышевали» их предприятия. По мнению Делягина, в 1998 г. начинается качественно новый этап, который сопровождался изменениями в управленческой системе спецслужб и переходом к установлению контроля за теми или иными предприятиями, в то время еще в основном среднего бизнеса, в интересах самих сотрудников спецслужб и их групп, а не в интересах коммерческих олигархов или бизнесменов более низкого уровня. М. Делягин делает вывод, что современные «жесткие» организации России являются профессиональными объединениями, целью которых является материальное потребление, основанное на контроле за государством «изнутри» и праве применения насилия от имени государства [2].

Изучая текущее состояние российской милиции, О.А. Коленникова, Л.Я. Косалс и Р.В. Рыбкина приходят к выводу, что коммерциализация служебной деятельности в «жестких» организациях носит характер системной патологии и не является следствием «отдельных ошибок и преступлений некоторых недобросовестных сотрудников». Эксперты не видят быстрых и легких путей решения данной проблемы, хотя признают, что необходимо

вести постепенную целенаправленную работу на «отдалении» милиции от криминальной деятельности [3, с. 73-83].

Наряду с МВД, ФСБ и ФСО, которые выступают на рынке в качестве «силовых предпринимателей», коррупционные возможности таможенной системы лежат в иной плоскости и связаны с нелегальным или полуполегалым перемещением через границу Российской Федерации товаров в интересах третьих лиц. По мнению С.Ю. Барсуковой, которая исследовала различные схемы таможенного оформления товаров при их пересечении границы России, нельзя исключать роли таможенных органов в формировании сложных и запутанных таможенных схем для последующего введения «серых схем», финансово выгодных сотрудникам таможни [4, с. 70-92].

С функциональной точки зрения «жесткие» организации и институты в России, номинально будучи органами исполнительной власти, превращаются в активных субъектов политики. Как отмечает А. Рябов, в демократических общества реформы силовых структур являются чисто управленческой задачей, тогда как в России любые изменения в «жестких» институтах приобретают политический окрас. И в советское время, и в посткоммунистический период силовики всегда являлись замкнутой корпорацией, имевшей огромное влияние на принятие политических решений. Любая группа интересов, боровшаяся за власть, будь то в верхушке КПСС или же в окружении президента Российской Федерации, в своих действиях обязательно должна была учитывать позиции силовиков. По меньшей мере, без их нейтрального отношения рассчитывать на достижение зияющих политических высот было трудно. Такое же положение дел, по мнению А. Рябова, осталось и по сей день: «жесткие» институты не подконтрольны гражданскому обществу, и любые политические решения принимаются с оглядкой на них [5].

Экспертная риторика, посвященная проблемам управления в «жестких» организациях и институтах, включает различные интерпретации тенденций к укрупнению и усилению полномочий силовых ведомств. В частности, Г.Гудков, член комитета ГД РФ по безопасности, полагает, что идти по пути дробления спецслужб – это порочная практика. Эксперт считает, что чем монолитнее спецслужбы, тем большие результаты они могут дать. Гудков напоминает, что Россия сейчас – это бедная страна, которая не может прокормить своих людей в погонах, поэтому их надо объединять и ни в коем случае не увеличивать численности [6].

Другие эксперты относятся к сценарию укрупнения «жестких» организаций и институтов скептически. Заместитель комитета ГД РФ по безопасности В. Илюхин считает, что *«когда не умеют работать и не хотят налаживать работу и когда мотивация службы приобретает искаженный вид и характер, и в первую очередь, основным мотивом*

становится нажива и получение денег любой ценой, то любые реорганизации окажутся пустыми... На протяжении 10 лет и даже больше мы все время ломаем внутренние перегородки, сливаем, соединяем и т.д. структуры наших силовых служб, создаем департаменты на месте управлений, а ведь какого-либо положительного серьезного эффекта у нас нет... Сегодня потеряна мотивация в службе, именно в смысле служения государству и отечеству. И на первое место выдвинут денежный мешок, возбуждающий в людях алчность» [7].

Руководитель Центра политической информации А. Мухин полагает, что в настоящее время формирование нового «суперведомства» в сфере государственной безопасности нецелесообразно. Во-первых, собирать воедино все три спецслужбы просто опасно технологически. Суперведомство может оказаться еще менее управляемым и, скорее всего, еще менее эффективным, в то время как именно эти два критерия являются ключевыми для оценки деятельности «жестких» институтов. Во-вторых, формирование подобной структуры может подорвать полномочия президентской власти, которая предпочитает иметь систему сдержек и противовесов в силовых структурах [8].

Распространенной темой в экспертной риторике является *соотнесение террористической угрозы в современном обществе с усилением гегемонии «жестких» институтов*. Эксперт Центра Карнеги К. Юдаева отмечает, что «под лозунгом борьбы с терроризмом в России происходят процессы, которые могут иметь серьезные последствия для экономического и политического развития страны. Прежде всего, это укрепление позиций так называемых силовиков, ограничение свободы слова, свертывание демократических институтов, а также торможение военной реформы». Перечисляя проблемы «жестких» институтов современной России, К. Юдаева приходит к выводу, что к разработке и осуществлению реформы силовых структур следует привлечь гражданских экспертов, а сами силовые ведомства поставить под более жесткий гражданский контроль [9].

Отсутствие прозрачности в деятельности «жестких» организаций является, по мнению А. Солдатова и И. Бороган способствует развитию в них: *«сотрудники спецслужб тоже люди и тоже совершают преступления. Прежде всего, они имеют доступ к возможностям, которыми власть наделила только спецслужбы: правом использовать специальные методы, где слово «специальный» означает, что их сотрудникам позволено несколько больше, чем даже их коллегам из МВД. Кроме того, работа человека из органов скрыта за грифом секретности, даже если он дежурит на вахте в ведомственной поликлинике. Вряд ли можно придумать большее искушение, чем всемогущество и анонимность»*. Обобщая статистические данные по преступлениям, совершенным сотрудниками «жестких» организаций и преданных общественной огласке, А. Солдатов и И.Бороган делают вывод о

том, что *«роль сотрудников спецслужб в коррумпированных схемах столь обширна и непрозрачна (даже в случае возникновения скандала уголовные дела не возбуждаются, а проколовшиеся просто уходят в отставку), что не поддается серьезному статистическому анализу»*. Причиной этого является специфическая система раскрытия преступлений при участии сотрудников силовых ведомств, главной особенностью которой является привлечение к расследованию сотрудников того ведомства, где работает подозреваемый в совершении преступления. Спецслужбы повсеместно имеют свои собственные службы безопасности, которые позволяют «жестким» организациям чувствовать себя в меньшей степени подконтрольными государству, чем в СССР, где *«контроль ... был несравнимо жестче: КГБ контролировал МВД и ГРУ, а за чистотой рядов чекистов следило специальное управление в прокуратуре и органах партийного контроля»*. Более того, с управлениями собственной безопасности в последние годы был связан ряд коррупционных скандалов [10].

Эксперт Горбачев-фонда В. Соловьев констатирует, что в российских силовых ведомствах идет жесткая внутрикорпоративная борьба и существуют различные группы интересов, чье противостояние так или иначе влияет на логику реформирования силовых структур и их оптимизации. Соответственно, предпринимавшиеся до настоящего времени попытки реформирования силового блока – это лишь укрепление опоры власти и решение внутрикорпоративных проблем каждого из силовых ведомств, иначе говоря, цель оптимизации «жестких» институтов является исключительно декларативной [11].

В экспертной среде нет единого мнения относительно эффективности проведенной в 2004-2005 гг. структурной мини-реформы министерств силового блока.

С одной стороны, высказываются мнения о том, что изменения в ведомственной структуре «жестких» институтов отвечает текущим запросам времени и позволяет силовому блоку быть более адаптивным и эффективно реагировать на угрозы российскому обществу. Как полагал М. Гришанков, первый заместитель председателя комитета ГД РФ по безопасности, необходимость оптимизации этой структуры министерств и ведомств силового блока назрела давно, что вызвано появлением новых угроз безопасности государства и его граждан. М.Гришанков полагает, что Федеральная служба безопасности РФ должна выступать в качестве координирующего органа и иметь большой спектр полномочий по сравнению с остальными ведомствами силового блока, поскольку это позволит быстрее реагировать на ситуацию и ускорить принятие необходимых решений. Эксперт отмечал, что долгие согласования и консультации там, где требуются немедленные действия, сильно осложняют оперативно-служебную деятельность. С другой стороны, он

признавал, что в результате реформы выросла нагрузка на руководящие органы «жестких» институтов, что может негативно сказаться на эффективности их деятельности [11].

Профессор Академии проблем безопасности, обороны и правопорядка С.В. Лекарев и профессор МГУ А.П. Судоплатов полагают, что упорядочивание управленческих процессов в сфере деятельности российских силовиков является вопросом принципиальным и приоритетным. Эксперты считают, что реформирование силовых структур является болезненным процессом, который в значительной мере подрывает безопасность России, исходя из опыта предыдущих реформ, когда *«каждая реорганизация неизменно несла в себе угрозу и порождала неизбежные издержки в деятельности любого аппарата»*. Эксперты хотели бы видеть *«не очередное дежурное реформирование, а ликвидацию организационной безграмотности и преодоление противоречий, возникающих в процессе оперативного взаимодействия между руководящими линейными органами и работающими по объектовому принципу оперативными подразделениями силовых структур»*. К одной из системных проблем социального управления в «жестких» организациях России эксперт относит отсутствие у сотрудников силовых ведомств навыков координации и совместной работы с иными «жесткими» организациями в контексте глобальных угроз, которые можно решить лишь через слаженные действия [12].

Г. Джемаль уверен в том, что ключевым принципом решения проблемы низкой управляемости российских «жестких» институтов и организаций является соблюдение принципа состязательности и конкуренции между ними, тогда как принцип единоначалия сильно снижает их эффективность. Эксперт подчеркивает, что в условиях укрепления вертикали российской власти чрезмерная концентрация силовых полномочий в определенном ведомстве ведет к низкой управляемости, которая, в свою очередь, является одной из причин потенциальной дезинтеграции России, по мнению американских военных экспертов, авторов доклада о перспективах России до 2015 года [13].

Эксперт отмечает, что концентрация и усиление полномочий «жестких» институтов и организаций приведет к тому, что реальные угрозы безопасности нашей страны отойдут на второй план и будут заменены на симуляцию активности и конструирование угроз безопасности для оправдания собственной необходимости. Борьба за показатели будет вестись с нарушением прав граждан России, тогда как реальные угрозы будут скрываться и замалчиваться [13].

В свою очередь отметим, что рассмотрение «жестких» институтов в качестве организационных симулякров и механизмов конвертации общественных страхов в политические и финансовые ресурсы является популярной темой для продолжительных обсуждений. В частности, представляется возможным упомянуть работу А. Литвиненко и Ю.

Фельштинского «ФСБ взрывает Россию», в которой авторы пытаются обосновать идею о причастности силовых ведомств России к взрыву жилых домов на территории нашей страны для последующего конструирования образа «бесчеловечных чеченских террористов» и «морального оправдания» второй чеченской кампании [14]. С другой стороны, тезис о причастности силовых ведомств к различным террористическим актам характерен и для стран с развитыми демократическими традициями. Так, в работе Т. Мейссана «11 сентября. Чудовищная махинация» делается вывод о том, что взрывы зданий Всемирного торгового центра 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке и падение самолета на здание Пентагона является спланированной операцией спецслужб США для повышения рейтинга Президента Дж. Буша и инициации военной экспансии США на Ближнем Востоке и Центральной Азии [15].

По мнению Л. Злотина, реформирование и реструктурирование «жестких» организаций должно быть нацелено на внутриорганизационную среду, а не ее структуру: *«Проблема в том, что независимо от новых названий, укрупнений и переподчинений в ... («жестких» организациях) сохранится главное: пугающе большое количество рядовых сотрудников и средних начальников, которые свою работу считают своим личным бизнесом. И таких специалистов ... больше, чем выделенных с показательной целью так называемых оборотней. Проще говоря, предполагаемая оптимизация структуры при сохранении всех коррумпирующих и криминализирующих функций в условиях отсутствия судебной защиты может превратить административную реформу силового блока в ее действующий макет»* [16].

Депутат Государственной Думы РФ третьего созыва В. Останин (фракция «Яблоко») полагает, что эффективному управлению внутри «жестких» организаций мешает неоптимальное финансирование ведомств и их распределение средств среди сотрудников: *«возникает вопрос, где взять деньги, чтобы установить высокие оклады сотрудникам силовых структур и их руководителям... Для этого нужно разобраться с тем, сколько нам нужно генералов и полковников в милиции. Сейчас во многих субъектах федерации в УВД не менее двух, а даже трех генералов. В то время как раньше генеральское звание имел лишь один начальник УВД. Многие участковые имеют звания подполковников, однако, порядок от этого на улицах или борьба за правопорядок не становится лучше. Бесчисленное множество генералов - в центральном аппарате МВД России на уровне инспекторов, главных инспекторов. Даже руководители пресс-служб имеют генеральские погоны. А за все эти звания приходится платить из бюджета. Профессиональная подготовка кадров находится на низком уровне. В оперативно-следственных аппаратах работают люди, не имеющие специальной подготовки. Таким образом, отсутствие спроса за конечный результат*

работы, раскрытие и расследование преступлений, неоправданно простимулированный карьеризм приводят к (дезорганизационным) явлениям (в «жестких» организациях)» [17].

Необходимо отметить, что кроме специфических проблем социального управления в «жестких» организациях для них также характерны и проблемы более общего плана, которые свойственны органам государственной власти и управления в целом. В частности, ректор ГУ-ВШЭ Я. Кузьминов для описания управленческой эффективности в государственных органах использует термин «серый ящик» – *«предмет, прозрачный только на несколько сантиметров вглубь»*. Отмечая, что *«руководство страны точно так же страдает от ситуации «серого ящика», от нерегламентированности, неподконтрольности, информационной закрытости аппарата исполнительной власти»*, эксперт констатирует: *«я говорил с несколькими заместителями руководителя администрации, с несколькими министрами, вице-преьерами, и общий вывод таков: их управленческие сигналы гаснут уже на втором этаже от них. То есть своего зама ты можешь контролировать, а что делает с твоим сигналом управления управляемый замом департамент, просто уже технически невозможно проследить. Однако в современных корпорациях достигается эффективный контроль до третьего-четвертого этажа под каждым уровнем управления. Поэтому необходимо внедрение в государственное управление современных бизнес-процессов» [18].*

Особенности социального управления в «жестких» организациях многими экспертами рассматривается через обращение к кадровой проблематике. Генерал-майор милиции, бывший председатель комитета ГД РФ по безопасности А.И. Гуров отмечает, что *«сегодня силовики разделились как бы на две категории: старые и новые. Причем, за 10 лет, если взять милицию, из этих рядов ушел один миллион сотрудников. И пришел туда еще один миллион, ориентированный совершенно на иные направления» [19]*. Подобной точки зрения придерживается и И. Хакамада: *«Ошибка Ельцина и демократической власти, ... заключалась в том, что, понимая угрозу со стороны старого состава силовых ведомств, они их разрушили. Разрушили тем, что: фактически уничтожили потенциал в качестве элиты; финансирование было минимальным, и огромное количество профессионалов ушло на рынок; армия оказалась коррумпированной, разрушенной окончательно; спецслужбы – то же самое, остались не самые лучшие кадры; то же самое произошло с МВД... если ты разрушаешь, понимая угрозу, ты должен тут же ставить новые задачи – в условиях уже демократии, а не тоталитарного общества, – платить за это нормальные зарплаты... собирать профессионалов...самое главное – поставить четкую задачу и поставить границы, в рамках которых (спецслужбы) могут действовать. Потому что спецслужбы привыкли действовать вне закона, поскольку такова у них специфика деятельности» [19].*

Бывший министр внутренних дел А. Куликов полагает, что в настоящее время система социального управления в «жестких» организациях находится в зависимости от высокой текучести кадров. Согласно данным за 2005 г., сотрудниками органов внутренних дел было совершено около 45 тысяч преступлений и лишь чуть более половины из них (25 тысяч) были направлены в суд, за административные правонарушения было уволено более 30 тысяч сотрудников. В целом же, около 100 тысяч сотрудников милиции увольняются из органов МВД ежегодно. Снижение эффективности социального управления в «жестких» организациях эксперт связывает и с тем, что в «жестких» организациях происходит постоянно «обучение» сотрудников противоправному поведению, которое стимулирует нарушать закон: *«он (сотрудник МВД) бросает роту и идет подрабатывать, потому что ему нужно жене купить костюмчик, допустим, к 8 марта, или ребенку что-то купить. Так же, как и милиционер, смотрит, как растет у его начальника особняк, и он думает о дополнительном заработке»* [20].

По мнению уполномоченного по правам человека в РФ В. Лукина, дезорганизация и слабый управленческий контроль за сотрудниками «жестких» организаций вызваны «кадровым голодом» и набором тех сотрудников, которые через службу в «жестких» организациях решают собственные материальные проблемы [20].

Директор фонда «Общественный вердикт» Н. Таубина, основываясь на результатах опроса сотрудников МВД в 2005 г., к основным проблемам в сфере управления «жесткими» организациями относит, наряду с тяжелыми условиями работы и недостаточным финансированием, бюрократизм, организационную неразбериху, совершение правонарушений по приказу начальства и низкий образовательно-профессиональный уровень сотрудников [20].

По мнению исследователя из Центра независимых социологических исследований Б. Гладарева, причинами системных проблем социального управления в «жестких» организациях (в первую очередь, в милиции) являются следующие структурные особенности функционирования силовых структур: *«наследие советского опыта в методах работы; размер и формы финансирования; тяжелые условия работы; специфическая система отбора кадров; социальная незащищенность сотрудников; внутриведомственная коррупция; отрицательный образ милиции в СМИ и негативное отношение граждан к сотрудникам милиции»* [21].

Таким образом, экспертная риторика, характеризующая проблемы социального управления в «жестких» организациях, признает наличие системной патологии в социальном управлении «жесткими» организациями. Эксперты отмечают, что «жесткие» организации являются практически неподотчетными обществу и подобная бесконтрольность и

вседозволенность лишь усугубляют оргуправленческие процессы в «жестких» организациях. В частности, «жесткие» организации начинают активно вмешиваться в политические процессы в стране и превращаются в самостоятельных субъектов политики.

Комплексность проблемы социального управления в «жестких» организациях обусловило их комплексное и системное рассмотрение экспертами, которые отмечали как внешне, так и внутренне особенности функционирования «жестких» организаций. В экспертной среде нет однозначного мнения о том, как должна осуществляться реформа силовых структур России, равно как и нет единого мнения относительно укрупнения или дробления «жестких» организаций. Тем не менее, определенная озабоченность имеет место в связи с бесконтрольным и неоптимальным созданием все новых и новых «жестких» организаций, которые дублируют функции друг друга. Эксперты также признают, что при существующей мотивации сотрудников «жестких» организаций любые внешнеорганизационные изменения являются бессмысленными.

Низкий уровень общественного контроля и неэффективное социальное управления «жесткими» организациями ведет к тому, что «жесткие» организации превращаются в симулякров, которые вместо решения актуальных проблем безопасности имитируют «борьбу с терроризмом/ наркомафией/преступностью» в зависимости от ведомственной принадлежности. Бесконтрольность ведет и к тому, что сотрудники «жестких» организаций совершают различные преступления, которые руководство «жестких» организаций старается скрыть. Кроме того, сотрудники силовых структур России практически не обладают навыками скоординированной работы с другими ведомствами и силовыми структурами. Распространенными являются борьба различных группировок внутри «жестких» организаций и неприемлемые формы конкуренции между различными силовыми структурами. Иными словами, социальное управление в «жестких» организациях не позволяет достигать целей, стоящих перед организациями.

Кроме специфических проблем социального управления в «жестких» организациях, для них также характерны и проблемы более общего плана, которые свойственны органам государственной власти и управления в целом, в первую очередь, отсутствие адекватной обратной связи между управляющей и управляемыми подсистемами.

Так или иначе, проблемы социального управления в «жестких» организациях эксперты связывают с кадровой политикой. Эксперты отмечают, что для «жестких» организаций, в первую очередь, МВД, характерна высокая текучесть кадров. Во всех «жестких» организациях сотрудники постоянно «обучаются» противоправному поведению, получая навыки злоупотребления служебными полномочиями в личных корыстных целях.

Основными внутреорганизационными проблемами социального управления в «жестких» организациях, по мнению экспертов, являются отсутствие четкого организационного порядка, низкий уровень финансирования и социальной защищенности сотрудников, бюрократизм и волокита, низкая профессиональная адекватность, коррупция и преступность, ориентация на «показатели» и использование устаревших управленческих технологий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Волков, В.В. Силовое предпринимательство: экономико-социологический анализ / В.В. Волков. – М., Изд. ГУ ВШЭ, 2005. – 350 с.
2. Делягин, М.Г. Реванш! Из России отчаявшейся будет Россия благословенная / М.Г. Делягин. – М.: Яуза, 2008 (в печати).
3. Коленникова, О.А. Коммерциализация служебной деятельности работников милиции / О.А. Коленникова, Л. Я. Косалс, Р.В. Рыбкина // Социологические исследования. – 2004. – №3. – С.73-83.
4. Барсукова, С.Ю. Таможня и бизнес: от теневого тандема к легализации? / С.Ю. Барсукова // Мир России. – 2002. – Т.11. – №2. – С.70-92.
5. Рябов, А. Сила есть / А. Рябов // Газета. – 2004. – 26 апреля.
6. «Сегодня необходима коренная реформа силовых структур и спецслужб!»: Интервью с Г.В. Гудковым. 17 февраля 2005 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gudkov.ru/news/view.html?id=3994>, свободный.
7. Что угрожает гражданам России? / Информационно-аналитическое агентство «Маркетинг и консалтинг». – 2005. – 15 февраля [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://old.iamik.ru/20269>, свободный.
8. Рудаков, В. Погонный мэтр / В. Рудаков // Профиль. – 2004. – 26 июля.
9. Юдаева, К. Фактор терроризма: Золотой парашют для генералов / К. Юдаева // Ведомости. – 2005. – 8 февраля.
10. Солдатов, А. Сокрытие покажет / А. Солдатов, И. Бороган // Новая газета. – 2007. – 7 мая.
11. Добрынина, Е. Чего ждать от реформирования структур «в погонах»? / Е. Добрынина, Т. Шкель // Российская газета. – 2004. – 15 июля.
12. Лекарев, С.В. КГБ в новом обличье / С.В. Лекарев, А.П. Судоплатов // Независимое военное обозрение. – 2003. – 14 марта.
13. Джемаль, Г. Принцип единоначалия снижает эффективность силовых структур. – 2006. – 27 февраля [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.lentacom.ru/comments/170.html>, свободный.
14. Литвиненко, А. ФСБ взрывает Россию / А. Литвиненко, Ю. Фельштинский. – Нью-Йорк: Либерти Пабблишинг Хаус, 2002.
15. Мейссан, Т. 11 сентября 2001 года. Чудовищная махинация. – М.: Московский филиал издательства «Карно», 2003.
16. Злотин, Л. Скажи сколько у тебя заместителей / Л. Злотин // Компания. – 2004. – 26 апреля.
17. Ответы Валерия Останина на форуме сервера «Яблока» 27 июня 2000 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.yabloko.ru/Persons/Ostanin/ostanin_forum.html, свободный.
18. Сергеев, М. Ярослав Кузьминов: «Нужно очень быстро консолидировать силовую основу государства» / М. Сергеев / Высшая школа экономики, 2003 [Электронный ресурс].

- ресурс]. – Режим доступа:
<http://www.hse.ru/prensa2002/default.php?show=1888&selected>, свободный.
19. Дискуссионный клуб «Полит X». Дискуссия на тему: «Силовики – надежда нации или опасный инструмент власти?». Ведущий С. Корзун. – 2004. – 3 февраля [Электронный ресурс]. – Режим доступа:
<http://www.hakamada.ru/1323/Internet/Document.2004.02.04.4408>, свободный.
20. Стенограмма программы «Ищем выход» на радиостанции «Эхо Москвы». – 2006. – 24 апреля [Электронный ресурс]. – Режим доступа:
<http://echo.msk.ru/programs/exit/43116/index.phtml>, свободный.
21. Гладарев, Б. Условия службы и социальное положение рядовых сотрудников милиции: социологический очерк к юбилею / Б. Гладарев // Телескоп. – 2008. – №.1. – С.12-24.